

«Утверждаю»:

Вр.и.о. Директора

Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский институт истории искусств»

(Шумилин Д.А.)

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации Никифорова Сергея Николаевича «Георг Филипп Телеман (1681 – 1767): творчество, стилистика, поэтика».

Диссертация С.Н. Никифорова – сочинение замечательное во многих отношениях. Это первое объемное исследование, посвященное Телеману, на русском языке. Автор не убоился углубиться в материал и обозреть содеянное этим невероятно плодовитым, даже по меркам 18-го века, композитором. Все эстетические наблюдения подкреплены достаточно развернутыми качественными анализами, выбор ограниченного числа их объектов представлял определенную трудность, и мне кажется, диссертант блестяще с ней справился. Его исторические и литературно-текстологические выкладки вполне гармонируют со слышанием и пониманием собственно музыки, а во взаимодействии с музыкальным анализом производят очень убедительное впечатление. Мало того, из текста диссертации постепенно вырастает живая личность немецкого музыканта, и, хотя многими подробностями пришлось сознательно пожертвовать из-за ограничений, налагаемых жанром, в тексте упрятано множество деталей, каждая из

которых могла бы стать отдельным – и очень ярким исследовательским сюжетом. Поделюсь одним, а именно, русским.

Как оказалось, на рубеже 1730-х гг. Телемана приглашали создать немецкую капеллу и приехать с ней на службу в Москву. В 1728 и 1730 гг. он поставил по опере с торжественными прологами в ознаменование двух российских коронаций: Петра II и Анны Иоанновны. Среди подписчиков «Застольной музыки» Телемана (1733) числится направленный Анной в Гамбург посланник А.П. Бестужев-Рюмин. И так далее. Я всего лишь внимательно читала сноски, но поскольку недавно снова занималась путешествием И.П. Хюбнера, посланного императрицей в Гамбург за музыкантами, сразу увидела определенные совпадения и возможности.

Подобных потенциальных дорожек, еще не протоптанных историками, в работе множество. Никто ведь пока не занимался празднично-церемониальной музыкой, которую полномочные министры должны были устраивать в табельные дни своих монархов. Возможно, и у Телемана имелись подобного рода сочинения сверх упомянутых прологов. Сергей Николаевич, намечая в «Заключении», куда двигаться дальше, предложил погружаться в специфику отдельных жанров. Это очень хорошая мысль, потому что именно разнообразие назначений музыки и более близкое их понимание способно пополнить наши представления о механизмах музыкальной культуры и способах толкования ее произведений.

Помечтав о том, что можно еще найти в эпохе Телемана, вернемся к тому, что диссертант уже счастливо нашел. В необозримом море сочинений он выбрал для анализа несколько ярких образцов и показал их в сравнении с общими тенденциями современной Телеману композиции. Он также тщательно проанализировал практически все важное, что Телеман писал о себе, своей музыке, своих представлениях о должном и приятном в искусстве, и спроецировал полученные результаты на конкретные музыкальные опусы. А также проследил дружбы, контакты, увлечения, представил срез многообразной деятельности и ее трудностей (чего стоит,

например, эпизод войны за доходы с продаж либретто или категорическое требование вернуть хоралам старые тексты). В результате получился портрет, обладающий, оригинальностью, глубиной и притягательностью. Телеман любил современную поэзию и сам сочинял стишки, которые Никифоров очень удачно перевёл. Начинал с идеалов Корелли и Кальдары, но впоследствии сформулировал эстетику, прямо противопологающую себя итальянской: никаких фиоритурных излишеств, простые мелодии, не выходящие за пределы нотного стана, изящество и прозрачность, употребление инструментов сообразно их природе, тонкое чувство тембровой образности, симпатии к французскому типу выразительности, а вместе с тем увлечения необычайным, например, польской кабацкой музыкой, симпатичнейший юмор, чувствительность, склонность к драматическим эффектам. В общем, перечислять можно очень долго. Любопытно, что просветительские мотивы, в определенной мере руководившие композитором (вроде песен в форме уроков генерал-баса), имели еще один важный и вполне индивидуальный аспект: «дабы пригодилось начинающим, да и у виртуозов могло прозвучать», -- так это сформулировано в заглавии «Малой камерной музыки», посвященной, как выясняется из предисловия, именно виртуозам.

Концепт «проникновенной простоты», выделенный Сергеем Николаевичем из череды высказываний композитора и сделанный основным маркером его эстетики, если рассматривать его вкупе с вышеотмеченными чертами его творческой личности, действительно соответствует общему слуховому образу его стиля, его специфической «рокайльности». Вместе с тем, размышления о том, что именно доставляет музыкальное удовольствие, или о разнообразии объёмов интервалов в 28-и ступенной неравномерно темперированной системе звуковых отношений обнаруживают неординарного музыкального мыслителя новой формации, идущего от слухового опыта, а не от старинных правил.

Можно констатировать, что вся исследовательская программа, сформулированная в начале диссертации, выполнена С.Н. Никифоровым, и выполнена на очень высоком уровне. В его манере исторического повествования содержится множество оттенков и подробностей, делающих его работу по-настоящему ценным вкладом в наши представления о музыкальных обычаях, отношениях, идеях, определявших культуру немецких земель первой половины 18-го века. Автор качественно перевел (и, надеюсь, опубликует) литературные труды, программные предисловия и письма Телемана, собрал замечательную библиографию, включающую такие редкости, как, например, Schütze J.F. Hamburgische Theater-Geschichte. Hamb., 1794. Кстати, как оказалось, немецким исследованиям, в том числе и новейшим, не во всем можно безоговорочно доверять. Например, там, где речь идет о Фантазиях для гамбы соло, опубликованных Телеманом в 1735 г. (с.47), диссертант, ссылаясь на монографию S. Rampe, утверждает, что этот опус «единственный в позднем Барокко образец сочинения для подобного инструмента без партии continuo», между тем, только в оцифрованной коллекции Petrucci сразу же нашелся еще один немецкий автор значительного числа сольных гамбовых пьес – Карл Фридрих Абель, директор Кётенского оркестра после И.С.Баха. Это не говоря о всем известной великой французской школе и менее известной английской. На с. 102, основываясь на тематическом указателе W. Menke, опубликованном в 1982 г., сказано, что кантата «Nun komm, der Heiden Heiland» «одна из немногих, сохранившихся в автографе». Мало кто помнит, что в 1993 г. наш институт добился возвращения в Гамбург той части рукописной Гамбургской библиотеки, которая после войны была передана РИИИ. Там было более 3000 единиц хранения и в их числе огромное количество, не могу сейчас точно сказать, сколько именно, автографов кантат Телемана. В 1994 г. всё возвращенное было приведено в порядок и включено в общий каталог Библиотеки Гамбургского университета (там же и собрание Кризандера).

Таких блошек, со ссылками на солидную литературу, я наловила штук шесть, не буду утомлять перечислением, смысл высказывания очевиден: немцев тоже стоит проверять. А вот в чем категорически не могу согласиться с автором диссертации – это с переводом слова «Jahrgang», как «ежегодник». В церковно-музыкальном контексте 18-го в. Jahrgang имеет узкое и совершенно конкретное значение: годовое последование церковных кантат. Этих годовых циклов Телеман сочинил более двадцати, несколько успел напечатать. Речь об этих циклах диссертант заводит часто и везде употребляет слово «ежегодник», не обращая внимание на его современный смысл и на само понятие, явившееся из совершенно другой оперы.

Эти мелочи, конечно, не умаляют ранее сказанного. Поздравляю автора Сергея Николаевича Никифорова, его научного руководителя Михаила Александровича Сапонова и кафедру истории музыки с состоявшимся исследователем и с появлением труда, который надеюсь увидеть на прилавке в самом непродолжительном времени. Сергея Николаевича Никифорова диссертация характеризует как пытливого, эрудированного и разносторонне образованного ученого, владеющего современной методологией, критичного, деликатного, способного держать в поле зрения множество смысловых нюансов, владеющего искусством научного повествования.

Диссертация С. Н. Никифорова представляет собой самостоятельное исследование, отличающееся несомненными научными достоинствами. Личный вклад автора в разработку актуальной для отечественного музыковедения темы не вызывает сомнений.

Автореферат и публикации, в том числе три в журналах, входящих в список рецензируемых изданий ВАК, достаточно полно отражают материал диссертации. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, изложенным в «Положении о присуждении ученых степеней» от 24.09.2013 № 842 (ред. от 28.08.2017 г. № 1024). Это позволяет сделать вывод о том, что

С. Н. Никифоров достоин присуждения искомой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.02 — Музыкальное искусство.

Отзыв ведущей организации составлен по поручению сектора музыки ФГБНИУ «Российский институт истории искусств» кандидатом искусствоведения, заведующей сектором, старшим научным сотрудником Порфирьевой Анной Леонидовной, обсужден и одобрен на заседании сектора музыки ФГБНИУ «Российский институт истории искусств» 2 июля 2018 (протокол № 1).

Кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник,
заведующая сектором музыки

А. Л. Порфирьева

Кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник
сектора музыки,
Ученый секретарь РИИИ

Г.В.Петрова

Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский институт истории искусств»

Адрес организации: 190000, г. Санкт-Петербург, Исаакиевская площадь, д. 5

Телефон: 8-812-314-41-36

E-mail организации: spb@artcenter.ru

Веб-сайт организации: <http://www.artcenter.ru>

Подпись руки
ЗАВЕРЯЮ
Ведущий специалист
по кадровой работе:

Порфирьевой А. Л.
Петровой Г. В.

Юлизова М. Е.